

Перевод Мурата СУЛТАНБЕКОВА

83-3кээз = 4
آبائی
АВАЈ
آبائی

АВ'
آبائی
АБ'
آب
آب
АВАЈ
آبائی

آبائی
АВ'
آب
А
آб
АВАЈ

Абай
Кунанбаев
Безветренной ночью Луна

АБАЙ КУНАНБАЕВ

Безветренной ночью луна...

(Десять стихотворений)

Перевод с казахского
Мурата Султанбекова

**Петропавловская
централизованная
библиотечная система**

Семипалатинск, 1992 г.

ОТКРЫТИЕ АБАЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Имя Мурата Султанбекова давно знакомо читателям «Иртыша». Более трети века он активно сотрудничает с редакцией Семипалатинской областной газеты. Меньше известен наш земляк как поэт-переводчик, хотя были публикации — переводы с татарского, с казахского местных авторов. Недавно он закончил работу над переводами цикла стихов «Время года» великого Абая.

Какое впечатление от первого прочтения? Что нового внес М. Султанбеков в разгадку феномена Абая? Чем отличается его интерпретация творчества основоположника казахской письменной литературы от его в разной степени талантливых предшественников? В чем его преимущество перед другими?

Во-первых, М. Султанбеков знает язык оригинала, ему знакомы традиции и обычаи родного народа, его фольклор, сказания, предания, мифы, были, бывает на родине великого акына. Во-вторых, он абаевед, литературовед, изучал творчество своего великого земляка, анализировал, исследовал, проверял алгебру стихосложения гармонией.

И что же в итоге? На мой взгляд (при довольно слабом знании моем казахского языка) Мурат Султанбеков создал переводы, максимально приближенные к оригиналу и ритмикой стиха, и настроением, и мыслями. Если ранее, в других переводах, Абай воспринимался только как мыслитель и философ (сух, холоден, рассудочен) или как тонкий лирик (преобладала эмоциональность), то автору перевода удалось синтезировать в своих работах, соединить эмоциональную и интеллектуальную направленность произведений Абая. (Вспомните Пушкина — у него почти всегда мысль окрашена чувством).

В переводах М. Султанбекова Абай мне ближе, понятнее, я физически ощущаю степь, людей, природу. Не усложняя искусственно певца степи и несколько не упрощая его, он дал его со всеми оттенками и тональностями, со всей широтой национального духа, глубоко проник в его творческую суть. Эту благородную работу он продолжает. И хочется поз-

дравить Мурата с несомненным успехом и пожелать новых удач на трудном, тернистом пути переводчика.

Открытие Абая для русскоязычного читателя продолжается.

Н. АЛЕКСЕЕВ,

член Союза писателей СССР.

(«Иртыш», 23 августа 1990 года).

Абай (Ибрагим) Кунанбаев (1845—1904)

У каждого народа обычно бывает великий и основной классик родной литературы, который считается светилом и мерилом в развитии национальной культуры.

Академик Д. С. Лихачев в интервью по случаю 175-летнего юбилея Т. Г. Шевченко сказал: «Великий kobзaрь Тарас Шевченко был рожден на счастье украинского народа». Перефразируя это удивительно емкое определение о классике украинской литературы, можно с уверенностью сказать, что Абай Кунанбаев был рожден на счастье казахского народа. Основоположник новой казахской письменной литературы, родоначальник национального литературного языка Абай (Ибрагим) Кунанбаев родился 10-го августа (по старому стилю) 1845 года в урочище Каскабулак Чингисской волости (ныне Абайский район Семипалатинской области) в семье Кунанбая Уськенбаева, предводителя рода Тобыкты племени Аргын.

Пользуясь возможностями, представленными демократией и гласностью, хотелось бы более подробно остановиться на родословном древе (шежире) и родственниках Абая, поскольку эти сведения необходимы для познания многих исторических событий в жизни казахского народа, развития социально-экономических условий, различных конфликтных ситуаций, общественных и личных взаимоотношений, хронологию событий и, наконец, научно-обоснованного творческого пути самого поэта.

Испокон веков огромную территорию от Византии до пределов Китая занимали различные древнетюркские роды и племена, которые в соответствии с историческими и географическими условиями объединялись в родо-племенные союзы и образовывали малые государства и каганаты во главе с вождями и каганами. Между ними и другими соседними народами (китайцами, жужанами, монголами, персами, арабами, джунгарами и др.) происходили непрерывные войны, нашествия и набеги. Об этом свидетельствуют древнегреческие, арабские, китайские, русские летописи и книги, а также произведения древнетюркской литературы и Орхоно-Енисейские надгробные надписи в честь каганов Культегина, Топьюкука и др.

Официальная история образования казахской народности и нации связывает с известным драматическим событием 1456 года, когда батыр из племени Кипчак Кобланды убил султана

Даирходжу, сына Кодана из племени Аргын. В ответ на такой трагический акт султаны Аз-Джаннибек и Гирей (сыновья Барак-хана) потребовали от хана Абулханра голову Кобланды (герой народного эпоса и одноименной пьесы Мухтара Ауэзова «Кара киччак Кобланды»). Но получив отказ, обиженные Гирей и Аз-Джаннибек (аз—славный, добрый) со своими аулами откочевали на юг к берегам реки Чу. Считается, что это время (1456 год) и есть начало образования казахской народности. Однако это не совсем достоверно, потому что разные племена и роды одного названия входили в состав разных народностей. Тем более, что в то время имело место смешение понятий «казах» и «узбек». Вот как, например, писал среднеазиатский ученый XVI век Рувбехан об этом: «Три народа относятся к узбекам, кои суть славнейшие во владении Чингис-Хана.

На сегодняшний день один из них — все племена, относящиеся к Шейбану,.. второй народ — казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью и третий — мангыты, кои суть цари астраханские.. Ханы всех этих трех народов находятся между собою в постоянной вражде и каждый из них посягает на другого». «История Казахской ССР. В 2-х томах. т. 1, А-Ата, 1956, с, 139).

По свидетельству историков разных времен и эпох примерно в XVI-ом столетии население нынешнего Казахстана было разделено на три джуза: Большой джуз, Средний джуз и Малый джуз. Впоследствии при вхождении Казахстана в Российскую империю это разделение на джузы искусственно поддерживалось и усугублялось, поэтому такая разрозненность казахского народа приняла исторический характер.

Абай был выходцем из Среднего джуза, куда входили шесть основных племен: Аргын, Найман, Уак, Керей, Кипчак, Кобырат.

Подробное шежире по истории казахского народа составлено Шакаримом Кудайбердиевым (ж-л «Жулдыз», № 1 за 1991 г.) и Мухамеджаном Тынышпаевым («Материалы к истории киргиз-казахского народа», Ташкент, 1925 г.).

Есть версия о том, что Аргын был исторической личностью. Еще во времена Чингис-хана в 1262 году он избирался ханом. Однако достоверных или документальных сведений об этом нет.

Аргын считается старшим сыном или сыном старшего из

братьев, поэтому это племя еще почтительно называется «Аргын-ага».

Абай принадлежал к роду Тобыкты племени Аргын. Одним из родных братьев Тобыкты был Капжыгалы, который был предком прославленного батыра, полководца и героя периода джунгарского нашествия Богенбая, поэтому его обычно в народе называют Капжыгалы Богенбай (1690-1775).

Двенадцатым потомком Тобыкты был Уськенбай. У него было пять жен и десять сыновей. Второй женой Уськенбая была Зере, которая родила единственного сына по имени Кунанбай (1804-1886).

По роману-эпосе Мухтара Ауэзова «Путь Абая» мы достаточно ярко и выпукло представляем себе художественный образ Кунанбая Уськенбаева, отца Абая. Но в силу необходимых условий, критериев, особенностей и требований художественного произведения в романе образ Кунанбая выведен в определенном аспекте, что мы обычно характеризуем его как крупного степного феодала, властителя степи, деспота, кровопийцу, жестокого притеснителя народа. Этот примелькавшийся стереотип образа Кунанбая не совсем отвечает действительности. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания и сведения его близких родственников и потомков, в том числе рукописные книги и очерки Турагула Кунанбаева, Архама Искакова, Ахата Кудайбердиева и др.

Польский ссыльный революционер Адольф Янушкевич, который около тридцати лет провел в казахских степях и неоднократно участвовал в русских экспедициях по историко-географическому изучению этого края, был свидетелем пребывания Кунанбая в аулах Большого джуза. Там казахи особо почтительно и приветливо встречали уважаемого гостя Кунанбая, устраивали в его честь игры и состязания, пышные угощения, что это вызвало удивление даже у много повидавшего в жизни Адольфа Янушкевича. И он в своей книге «Дневники и письма из путешествия по казахским степям» восторженно описывает эти картины и в заключение дает Кунанбаю такую краткую и емкую характеристику: «Он выглядел истинным степным пророком».

Здесь, конечно, заключено определение разных и несомненных достоинств Кунанбая. Прежде всего, очевидно, польского революционера поразили его величественная фигура и

благородный внешний вид. Однако внешний вид Кунанбая, надо полагать, соответствовал его внутреннему содержанию.

Много разнообразных деяний и благородных поступков совершил Кунанбай за свою жизнь во благо народа и всеобщего признания своей незаурядной личности. Среди них неординарным и беспрецедентным событием можно считать грандиозный ас — годовые поминки, которые устраивал Кунанбай по случаю смерти своего отца Уськенбая. На этот ас предводитель тобыктинского рода пригласил влиятельных людей и знатных представителей всех трех казахских джузов. Все эти почтенные гости были размещены в специально для них воздвигнутых белоснежных юртах в разных живописных местах отдельными аулами. Самые находчивые и расторопные джигиты встречали и сопровождали гостей.

Так впервые стал известен Кунанбай казахам всех трех джузов. Невозможно перечислить все деяния Кунанбая, совершенные им за долгую, семьдесят с лишним лет жизнь. Два из них аксакалы хорошо помнят и с благодарностью вспоминают поныне. Это то, что он на свои средства и по своему намерению в Каркаралинске построил мечеть с медресе при ней, где обучались казахские дети. В последние годы местные жители проявили инициативу по восстановлению и реставрации этого здания, где намечается организация музея или культурно-просветительного центра. В народе эта каркаралинская мечеть называется «такие Кунанбая».

Второе знатное дело, к которому был причастен Кунанбай, это — постройка гостиницы в Мекке во время своего паломничества. На фасаде этого дома или здания было написано о том, кто его построил, и о том, что в этой гостинице могут свободно поселиться паломники-мусульмане, прибывшие из его страны. Ныне судьба этой гостиницы Кунанбая совершенно неизвестна. Были, конечно, и другие подобные благотворительные дела на счет отца Абая Кунанбаева.

В 60-е годы во время проведения Абайских дней поэзии в Семипалатинске профессор Темиргали Нуртазин (кстати один из переводчиков на русский язык четырехктомной эпопеи «Путь Абая») впервые во всеуслышание выступил в защиту Кунанбая. В заключение своего выступления он сказал примерно так: «Нельзя такую значительную личность в истории казахского народа, как Кунанбай, все время показывать в чер-

ных красках. Надо помнить, что великий Абай мог родиться только у такого человека, как Кунанбай». И надо сказать, что Кунанбай, кроме Абая, породил и многих других заметных представителей казахской литературы и культуры. Это — сыновья Абая Акылбай, Магавья, Турагул Кунанбаевы, его племянники Шакарим Кудайбердиев, Какитай и Архам (отец и сын) Искаковы и др.

Обучившись первоначальной грамоте у аульного муллы Габитхана, десятилетний мальчик Абай по совету отца Кунанбая поступил в Семипалатинское медресе Ахмета-Ризы. Дом медресе располагался по улице Солдатской (ныне Красноармейская). Здание мечети сохранялось до 1949 года, пока не сгорело от пожара. На том месте сейчас расположено здание Облпотребсоюза. Медресе сохранилось и по плану реконструкции музея Абая намечено перенести его в пределы культурно-мемориального комплекса.

При медресе Ахмета-Ризы была богатейшая библиотека, где, в основном, помимо религиозной литературы, находились классические произведения древнетюркского наследия и средневековой восточной поэзии. Если до медресе и впоследствии Ибрагим, прозванный бабушкой Зере и матерью Улжан уменьшительно-ласкательным именем Абай, постоянно знакомился с произведениями казахской народной литературы, то здесь, познав арабский, персидский чагатайский (старо-узбекский) языки, прильнул к благодатному роднику восточной поэзии.

Когда молодой поэт Абай, начиная с десятилетнего возраста, взял в руки перо, то стал писать на так называемом «книжном языке», где по тогдашней моде обильно использовались арабские, персидские и турецкие слова. В одном из первых стихотворений он обращается к духу восточных классиков:

Физули, Шамси, Сайхали.

Навои, Саади, Фирдауси,

Ходжа Хафиз, помогите

Молодому поэту, умоляю и верю.

(Подсторчный перевод).

В медресе Абаю удалось проучиться всего 3 года и несколько месяцев, потому что Кунанбай, выделяя способностями его среди других своих сыновей, решил вернуть в аул, что-

бы подготовить из него для себя достойного преемника и последователя. К концу учебы в медресе Абай самовольно в течение нескольких месяцев посещал русскую школу, где тесно приобщился к русскому языку и литературе. Отсюда и начинаются те три источника, которые основоположник обширной ныне отрасли казахского литературоведения — абаеведения, писатель-академик Мухтар Омарханович Ауэзов положил в основу своей концепции о трех источниках, питавших творчество великого поэта: казахская литература, восточная, русская и через нее западно-европейская...

По разным причинам Абай до 40-летнего возраста скрывал авторство относительно своих стихотворений. Одной из главных причин было, то, что степные феодалы и аристократы (представители белой кости — ак сусек) пренебрежительно относились к людям искусства и самодовольно заявляли: «Слава аллаху, что из нашего рода не вышли ни один акын и ни один баксы (шаман или колдун)».

Все творческое наследие Абая Кунанбаева составляет всего один большой объемистый том. В него входят исключительно живописная, высокохудожественная и доселе непревзойденная по своей философской глубине и завораживающе притягательной силе мастерства лирика поэта-классика, его три поэмы «Искандер» (об Александре Македонском), «Масгут» (на восточную тему) и незаконченное произведение «Сказание об Азиме» (до сих пор спорное относительно принадлежности его перу поэта), еще 45 слов назиданий (гаклия), очерк «Несколько слов о происхождении казахов» и письма. В лирику поэта мы включаем и его оригинальные и великолепные переводы, среди которых есть 7 отрывков из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин», 29 стихотворений М. Ю. Лермонтова, 11 басен И. А. Крылова, стихи Байрона, Гете, Адама Мицкевича, Бунина, Полонского, А. А. Дельвига и других. Надо сказать, что Абай к художественным переводам подходил глубоко творчески и непринужденно, как поэт-соперник. Настолько они мастерски воплощались и звучали на родном языке, что казахи воспринимали и заучивали их наизусть также естественно и непринужденно. На некоторые из своих переводов Абай придумывал музыку и они звучали как казахские оригинальные песни. В частности, очень популярны были в народе песни «Письмо Татьяны» (По Пушкину), «Горные вершины» (из

Гете—Лермонтова). А «Письмо Татьяны» настолько полюбилось молодежи, что она даже стала объясняться в любви через эту песню и нарекла Татьяну по-казахски уменьшительно-ласкательным именем «Татиш».

Также популярна и любима была в народе собственная лирика Абая. Первым признаком гениальности поэта Абая Кунанбаева надо считать то, что при всем своем глубокомысленном и по-философски сложном внутреннем содержании стихи Абая легко запоминались и пелись, были исключительно музыкальны. Много стихотворений посвятил Абай раскрытию природы и значения поэзии. Он, например писал:

Поэзия — властитель языка,
Из камня чуда высекает гений,
Теплест сердце, если речь легка
И слух ласкает красота речений.

Перев. В. Звягинцевой.

Или в другом переводе эти строки Абая звучат так:

Стих — это вождь среди слов, ценнейший их убор,
Талантливый поэт слагает речь в узор,
Где все слова равны, густы, округлены,
Легки для языка, ласкают слух и взор.

Перев. Вс. Рождественского.

Трудность перевода с казахского языка на русский поэтических произведений заключается прежде всего в том, что они относятся к разным языковым группам: агглютинативной и флективной. В языке агглютинативной группы слова образуются путем прибавления аффиксов постепенно или, как еще говорят, склеивания, а во флективных языках, куда, в частности, относится и русский, слова образуются еще и по внутренней флексии или изменению. Есть еще вытекающие отсюда особенности и своеобразие в стихотворении. Однако пример самого Абая как великого мастера художественного перевода вселяет надежду и уверенность в том, что в будущем его прекрасная поэзия зазвучит на русском языке также полнокровно и чарующе, как и на своем родном.

О неравноценных переводах стихов Абая на русский и через него на другие тюркские языки приходится вспомнить и говорить неоднократно, потому что они во всей своей волшебной силе и художественной прелести не доведены до русского читателя, потому что до сих пор нет-нет да появляются в печати слова претензии и даже нападки на личность и творчество гениального поэта-мыслителя. И невольно думается, что не случайно однако Абай перевел басни дедушки Крылова и, в частности, его басню «Слоп и Моська» — «Пил мен канден»....

Надо сказать, что Абаю Кунанбаю, как великому поэту-мыслителю, классику и основоположнику казахской новой письменной литературы, доставалось не только при жизни, его как «человка—загадку», как он сам себя определил, долго не могли до конца понять и в советское время даже сами казахи и несколько раз его творчество низвергали и возвышали вновь. Наконец, один из казахских поэтов сказал, что Абай родил сто поэтов, а сегодня сто поэтов не могут родить одного Абая.

Особого разговора достойно музыкальное творчество Абая. Его мелодичные песни, созданные на свои же стихи из превосходной любовной и пейзажной лирики популярны поныне, не так, как «Ты зрачок глаз моих», «Шлю, тонкобровая, привет», «Восьмистишья», «Горные вершины» (из Гете) и многие другие. Многие современные казахские композиторы обращаются к творчеству Абая и создают популярные песни и романсы на его стихи.

Более или менее повезло переводам на русский язык слов назиданий (гаклия) Абая. Некоторые из афоризмов и обобщенных изречений Абая в переводе Леонида Соболева зазвучали и на русском языке как пословицы и поговорки. Например, «Слава—высокая скала. Уж на ее вершину добирается ползком, а орел единым взмахом крыла» или «Плохой друг, как тень, в ясный день убегай — не убежишь а в пасмурный день нищ—не сыщешь» и т. д.

Поэмы Абая «Искандер», «Масгут» заложили основы профессиональной поэмы в истории казахской литературы по сравнению с дастанами акынов и народным эпосом. Эту традицию великого поэта продолжили и развили дальше его сыновья Акылбай («Дагестан», «Зулус»), Магавья («Енлик и «Кебек», «Медигат и Касым») Кунанбаевы, племянник Ша-

Карим Кудайбердиев («Енлик и Кёбек», «Калкаман и Мамыр», «Смерть Кодара») и последующие казахские поэты Асет Найманбаев, Мухамеджан Сералин, Магжан Жумабаев, Сулган-Махмут Торайгыров, Машхур-Жусуп Колеев, Иса Байзаков, Касым Аманжолов и другие.

Почему-то Абай при жизни не стремился издавать свои произведения отдельными книгами. Но его творчество в виде песен и рукописных списков было знакомо и любимо широким кругом читателей и почитателей далеко окрест. При жизни Абая увидели свет в печатных изданиях только четыре стихотворения «Лето», «Вот и стал я волостным», «Описание лошади» и «Всадник с беркутом скачет в ранних снегах»...

Лучшим образцом пейзажной лирики Абая является стихотворение «Лето», написанное в 1886 году. Оно является первым опубликованным в печати произведением Абая. Но печаталось оно за подписью Кокпая Джанатаева. Правда, была оговорка, что описание заимствовано. Пояснительный заголовок гласит: «Общий вид аула киргиза Чингизской волости Семипалатинского уезда Кунанбаева в момент прикочевки на урочище Коб-беит при р. Баканас». А опубликовано «Лето» в 1889 году в «Особом прибавлении к «Акмолинским областным ведомостям» и в 1893 году А. Е. Алекторов поместил его в «Астраханском вестнике» (№ 1181), включив в свою работу «Народная литература киргизов». Затем также в «Особом прибавлении к Акмолинским областным ведомостям» (№ 12 за 1889 г.) было напечатано стихотворение «Вот и стал я волостным».

В 1897 году в Казане опубликованы два стихотворения Абая: «Описание лошади» и «Всадник с беркутом скачет в ранних снегах».

Вот и все, что было опубликовано из произведений Абая при его жизни. Но творения великого поэта-мыслителя и композитора были широко распространены среди казахов. Об этом М. О. Ауэзов писал: «Некоторые историки литературы, подчеркивая особое почитание народом известного грузинского поэта-классика Шота Руставели, говорят о том, что грузинские девушки при выдаче замуж вместе со своим приданым увозят поэму «Витязь в тигровой шкуре».

Нам тоже известно, как девушки-казашки перед замужеством заказывали таким переписчикам, как Мурсеит, Са-

марбай, Даирбай произведения Абая, которые они прежде увлеченно читали и полюбили, и увозили в сундуках вместе со своим приданым.

Впоследствии, когда собирались и анализировались рукописи Абая, многие исследователи пользовались переписанными кониями, сохранившимися у группы девушек, как Уасиля, Асия, Рахила, Габида, Каныш.

Распространение произведений Абая в таком рукописном виде имело место не только в среде рода Тобыкты и Семипалатинском уезде, но и стало это широко известным примером и традицией в Караоткелском, Керекуском, Каркаралинском, Усть-Каменогорском, Зайсанском, Лепсинском, Капальском уездах повсеместно» (смысловой перевод наш — М. С.).

При таком вообще-то стихийном распространении своих произведений Абай смог стать «Человеком-маяком своего народа» (Леонид Леонов).

Если есть в человеке талант и провидческий дар, то самообразование — великое дело. Еще тогда, когда Кунанбай вернул мальчика Абая в аул, прервав его учебу, будущий поэт одним из условий выдвинул то, чтобы один из одаренных младших братьев Халиолла был отдан на учебу в русскую школу. Халиолла учился в Омском кадетском корпусе, который в свое время окончил Чокан Валиханов. Приезжая на каникулы домой в аул, Халиолла привозил книги русских и зарубежных писателей и ученых. В ауле Абая проводились литературные вечера, где при спорных вопросах обращались к авторитетам Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева и др. Свидетельства об этом есть в очерке Г. Н. Потанина (друга и однокашника Ч. Валиханова) «В юрте последнего киргизского царевича».

Семипалатинск стал университетом Абая. Здесь в 1883 году, когда Абаю уже было 38 лет, открылась публичная библиотека. Об этой библиотеке и ее одном из активных читателей Абае Кунанбаеве с восхищением писал американский ученый, путешественник и писатель Джордж Кеннан в своей книге «Сибирь и ссылка».

Совсем недавно после полной реабилитации были возвращены родному народу имена и творческое наследие выдающихся писателей, ученых и общественных деятелей Ахмета Байтурсынова (1873—1937), Жусупбека Аймаутова (1889—

1931), Мағжана Жұмабаева (1893—1938), Алпхана Букейханова (1870—1938), Миржақупа Дулатова (1886—1935) и других. Все они были высокообразованные люди с дипломами о среднем специальном и высшем образовании, ставшими истинными просветителями своего народа. К сожалению, после геноцида 30-х годов они канули в неизвестность, были забыты или полузабыты или произносились только в черных красках, как А. Букейханов.

Тогда как Алпхан Букейханов был реабилитирован, как лидер алашордынцев, еще в 1919 году специальным постановлением ВЦИКа. Оказывается, он содействовал и принимал непосредственное участие вместе с Какитаем Искаковым и Турагулом Кунанбаевым в издании первого сборника произведений Абая (через пять лет после смерти поэта), выпущенного в Санкт-Петербурге в 1909 году в типографии Ильяса Бораганского. Также он был автором некролога на смерть Абая, помещенного в «Семипалатинском листке» за 25 октября 1905 г. Этот номер газеты в раме и под стеклом был помещен в экспозиции музея Абая, открытого в 1940 году. Однако имя автора было тщательно закрашено черной тушью.

Помимо всех других заслуг Ахмета Байтурсунова, как поэта, писателя и общественного деятеля, достаточно сказать, что он заложил основы казахской лингвистики. Это он придумал все или почти все современные казахские грамматические термины: бастауыш — подлежащее, баяндауын — сказуемое, естистик — сказуемое и т. д. И вот этот высокообразованный человек, ученый и просветитель глубоко познал творчество Абая и точно определил его место в истории казахской литературы. Он написал обширную статью об Абае, назвал ее «Главный казахский поэт» и опубликовал в издаваемой им самим газете «Казах».

Вызывает удивление тот факт, что все эти выдающиеся поэты и писатели Жусупбек Аймаутов, Мағжан Жұмабаев (его Валерий Брюсов назвал «казахским Пушкиным»), Миржақуп Дулатов и др. единодушно призывали бесспорное первенство Абая в казахской литературе. В преддверии 150-летия основоположника новой казахской письменной литературы, родоначальника казахского литературного языка Абая (Ибрагима) Куанбаева мы еще больше осознаем, что его гений

Несчёрпаем и с каждой новой эпохой каждое новое поколение находит в его творчестве что-то свое заветное и необходимое. Даже один отдельный человек, перечитывая произведения Абая в разные периоды своей жизни, находит еще какие-то дополнительные ценности, которые не смог постичь или прошел мимо ранее...

М. СУЛТАНБЕКОВ,
кандидат филологических наук, абаевед.
Семипалатинск, 1991 г.

ВРЕМЕНА ГОДА

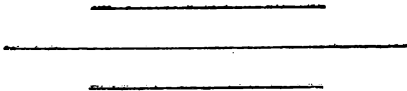
ЛЕТО

Июль — середина лета.
Степная нива на диво.
Подснежники в ярком цвете.
И там, где резвится река,
Аул встает на рассвете.
И в травах крупные крупы
Едва заметны при ржанье.
Табун, утоливший жажду,
Стоит, затаив дыханье.
Но мухи и здесь донимают,
Воды и неба на грани.
Резвы молодые кони—
Не схватишь при всем старанье.
Повсюду утки и гуси
Снуют в голубом коралле.
Девчата и снохи юрты
Украсят согласно желанью.
Не зря, засучив рукава,
Смеются в отдельном собранье.
Облеплена степь скотиной.
Довольный такой картиной
В аул возвращается бай.
Под ним иноходец играет.
Обманутый, бедным слугой
Малыш у мамы хлопочет
О вкусном мясе бараньем.
Должна быть тень над головой.
Ковер постелен дорогой.
Чтоб бай, славные в степи,
Хвалили буйный самовар.
Заводят речи знатоки.

В байгу запущены слова,
Иные вторят им кивком,
Поддакивают млад и стар:
В рубашке белой с палкой вдруг
Явился сбоку аксакал.
Дает совет он пастухам —
Не подпускать к жилью скота.
Чтоб бай назвал их: байгуши
И дал кумыс им от души.

Прелестной лестью обложив,
Одев чапан в один рукав,
Уняв коня строптивый нрав,
Табунщики кружат с утра
У байской; юрты неспроста
Стрельбой и ловчих птиц огнем
Заражена вся молодежь,
И мчится с пеною у рта.
Степные беркуты с руки
Взлетают вмиг на небеса,
Сбивая селезней с хвоста.
Ушли заботы в забытье.
В руках нет сил у старика.
Бедняга юношам в угоду
В ауле весело хохочет,
Открыв по-старчески уста.

1886

О С Е Н Ь

По небу плывут темно-серые тучи.
Осенний туман распластался тягуче.
Не знаю, от сытости или от скуки
В бегах стригунки, кобылицы в отлучке.

Трава и подснежники в поле пожухли.
И шутки, и смех молодежи потухли.
Кусты и деревья без листьев округлых
Стояли бледны, как старик со старухой.

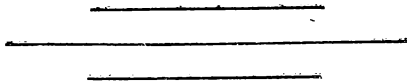
Задублена кожа для новой дубленки:
На ком-то обвисла тряпьем одежонка.
Всучив свои прялки свекрови, невестки
Латают прорехи на юртах в сторонке.

Летят журавлиные стаи рядами.
Внизу верблюды с зерновыми выюками.
И в каждом ауле тоскливо немного:
Не видно ни игр, ни невест за холмами.

Кряхтят старики, коченеют ребята,
Еще до зимы холодами объята.
Собаки, лишившись костей и бульона,
Умчались на ловлю мышей до заката.

Огня не разводят на стойбище этом:
Туманом окутает копоть под ветром.
Тоска одолела людей в темноте:
Да сгинет обычай быть ночью без света.

1888

З И М А

Белобородый, в белой одежде старик
Глух и нем ко всему и ко всем без разбора.
Белый иней на нем и по виду суров,
По скрипучему снегу ступает упорно.

Дышет лютым морозом, сковавшим простор.
Старый сват, не зима, разгулявшись на славу.
Тучу шапкой одел набекрень влопыхах,
И от стужи покрылся румянцем лукавым.

Облаками ресницы легли на глаза.
Головой шевельнет — снег завалит по пояс.
Забушует от злости, как сильный буран,—
Шестикрылая юрта выходит из строя.

Увлеченные дети в азартной игре
Обморозят и руки, и щеки случайно.
Потому и пастух, облаченный вдвойне,
Отвернулся от ветра, (кряхтя и качаясь.

Расчищают без усталости лошади снег.
Поистратили кони последние силы.
Вместе с лютой зимой пробирается волк.
Пастухи лишь бы хищнику не уступили.

Охраняйте, угнав скот к надежной черте,
Не умрете от сна, одолев эту крепость.
Пусть съедят до весны Кондыбай и Канай*,
И оставите старца ни с чем за свирепость.

1888

*Кондыбай, Канай — название родов.

ВЕСНА

Весна пришла, от стужи избавляя,
Степная гладь ковром цветет, пылая,
Когда глаза с мольбой глядят на небо,
Теплеет солнце, как земля родная,
О новом лете возвещают птицы.
И молодость, как лето, голосиста.
Из хижин старчки, как из могилы,
Выходят, чтоб по-своему резвиться.
Кочевники дождались долгой встречи.
Восторженно сомкнулись братьев плечи.
Аульный гам. И снова молодежь
Воркует с упоением каждый вечер.
Верблюды трубят к рождению верблюжат.
В овраге мотыльки кишмя кишат.
И овцы блеют. Птицы над водой,
Кокетничая, крыльями шуршат.
Плывут и лебеди — красавицы озер.
Волнуют в поднебесье птицы взор.
Когда летишь на резвом скакуне,
Твой сокол вспыхнет выстрелом в упор.
Есть утки, гуси. Гордость на коне:
Девчата липнут, что отбоя нет.
Они одели летние наряды.
Земля в цветах так празднична, наряда.
В зените — жаворонок. С нами — соловьи.
Вторгается кукушка в хор наш рьяно.
Купцы сзывают аульчан на ткани.
На поле борозды кладут дехкане.
Двоится скот у бедных и богатых.
От радости двоится и дыханье.
Искусным мастером создатель на земле
Оставил доброты узорный след.
Когда земля, как мать, поит нас грудью,
Склонившись, небо не встает с колен.

Посланец лета землю оживил.
Душа поверила в причастность высших сил.
Тучнест скот, есть мясо, молоко,
Чтоб пыл надежды в людях воскресить.
Взбодрилось все. Лишь камень снит упрямо.
Скупцу, как камню, суждена убогость.
Смотри на чудо высшего творца, —
Побудь в томленьи, укрощая волю.
Галдеж детей. Пригрелись старики.
Барахтаются вволю стригушки.
С небес несется песня певчих птиц.
Закрякали на озере чирки.
Когда нет солнца, власть у звезд с луной.
Они сияют в темноте ночной.
Когда заря трубит подъем светилу,
Они, косясь, проходят стороной.
А солнце — муж, земля его супруга:
Их истомила зимняя разлука.
Восходит солнце поступью крутой,
И мчатся прочь соперники в испуге.
Луне и звездам весть приносит ветер,
Земная жизнь воспрянула ответно:
Суровое отбросив одеяло,
Украсилась в улыбчивую свежесть.
Земля в объятья бросилась светилу,
Они — супруги в первозданной силе.
И солнце землю соком напоило,
Украшив, как жар-птицу, окрылило,
На солнце глянуть прямо невозможно.
Оно целует душу до ожога.
Я на закате видел: это солнце
Вошло в шатер, как боги, осторожно.

1890

ЛИРИКА

1 1 ■■■

Безветренной ночью луна,
Нагая, дрожит на воде.
В овраге ворчлива волна:
Река разлилась в темноте.

В ауле прибрежном листва
Ведет меж собой разговор.
И сочная всходит трава,
Спасая от пыли простор.

На лай и на крики «айтак»^{*}
Звенит, откликаясь, Чингис.
Не ты ль пробирался в кустах,
Чтоб встретиться с нею, джигит?

Бросало то в холод, то в жар,
Как будто не знал удаљства.
И в страхе внезапном дрожал,
Завидев подругу едва.

Она задрожала в ответ:
Кружилась от чувств голова.
Скажи, вспоминаешь теперь,
Как льнул подбородок к губам?

1888

* айтак — скрик при наусьживании собаки.

Не исцелить,
Сердце болит,
С горя пылает огнем,
Не с кем делить
То, что лежит
Тайною в нем.
Мучает зря
Совесьть меня,
Встретившись с каждой душой.
Пряча лицо,
Мелкой трусцой
Вмиг пробегу
Стороной,
С этого дня
Пищи и сна
Определенно лишен,
Нужен покой,
Брожу сам не свой
Удручен,
Сердце — юнец
Сгинет вконец.
Нет ему роздыха, нет
Господи, в путь,
Милостив будь,
Дай совет.
Тополев куст
Строен и густ
Листья — овечки шумят.
Шея дугой,
Поник головой,
Слезы — град.
Жил я, как пан,

* * *

Сколько б тебя ни хвалили —
 не верь,
 Хитрость таится в хвалебной молве;
 Веру в себя укрепляй; чтоб вдвоём
 Разум и труд выводили на свет.
 Там, где доверчивость, не суетись,
 За похвалой без конца не гонись.
 Сам не плети с миром слов кружева,
 Впору ли мираж, наполняющий жизнь?
 Горе придет, не сгибайся, встречай.
 Радость охватит — не думай, что рай.
 В сердце свое погрузись и на дне
 Жемчуг найдешь — ты его не теряй.

* * *

1896

Тикают часы не для забавы,
 Жизнь уносят стрелки, что в оправе.
 У минуты тоже есть судьба,
 Смерть приходит на глазах, исправно,
 Вор-часы, крадущие минуты,
 Здесь и жизнь отходит в промежутке.

Призрачное время только так
Мчится безвозвратно; скоро, жутко.
Звуки эти — прошлого приметы,
Чувства укрощай, сними наветы.
Каждодневно лицемеришь зря,
Разумом постигнув тайны света.
Дни за днями — в месяцы и годы.
Годы в теле ноют к непогоде.
Боже правый, если мир не прав,
Сохрани отзывчивость природы.

1896

Жила одна красotka во дворце,
Кружила в мыслях хана, как в кольце.
В парче и золоте, служанок — рой.
Гадали ей гадалки о венце.
И бык, и вол имеют свой удел,
Проворен хан, пирует, осмелел.
— Пусть тело гложут черви, чем старик,
Метнулась со скалы в иной предел.
Не в радость сердцу с явствами столы,
Глаза того, кто ровня, всем милы,
В погоне хан за тенью прошлых лет.
Зачем ей кости, что стары, дряхлы?
За юностью стремится, хоть не дюж,
Свои права есть у влюбленных душ.
Жена не станет верной за калым,

*мушел (перс.) — двенадцать лет.

Глупцы берут в объятья юных жен,
Наполнят дом очаг печаль и стон,
Когда на два мушеля* старше муж.
Не потому ли там, где нет любви,
Покои хана, как быка загон?
Чем бай старее, тем дороже скот,
Но жизнь не внове, покарай, господь.
Склонив скотом родителей, купец,
Зачем пошел ты на стародавний ход?
И усом не ведет почтенный бай,
Как будто бы живут в ладах, ай-ай!
Не зря кокетством веселит жена,
Воспитанница беса, так и знай!
Стареющий богач, тебе совет:
Рога пойдут покорности в ответ.
Хвалить начнешь обильный дастархан —
С пути собьешься, следуя молве.
В разладе он с безвинной байбишой,
Огня в достатке нет для молодой.
Она — еще росток, а он — курай,
Сойдутся ли мороз и летний зной?
Потуги бедер — это просто так,
Шлепки по крупу, поцелуй — пустяк.
От сердца к сердцу путь — дорога в год.
Осилишь этот перегон, чудак?

1896

Сердце мое, чуешь ли что,
Сколько подобных тебе?
Мир для тебя открыл простор:
Нужен порядок в судьбе.

Отклика ищешь в ответ,
Чувств, как свои, наравне,
Где он, такой человек,
Спрятан в какой стороне?
Равенство, дружба, любовь, покой —
В людях для них есть приют?
Ринулись к ним с доброй душой,
Те, как торговцы, спуют.
Праведный суд необходим
Гласно хвалить и хулить.
В лести любой неуловим,
В споре его и не сбить,
Встречу ли друга в пути?
Не с кем держать мне совет.
Чувства злей, как ни крути,
Чем одиночество, нет,
Мне б поделиться порой
Мыслью от чистой души.
Тянется к горлу рукой,
Плату не дашь — не взыщи.
Разве за плату умом
Кто-то поймет силу слов?
Уши свои заглушит и в нем
Тьма торжествует назло.
Сердце, пылая, гори, —
Польза отыщется вдруг?
Веришь ли, спрятавшись изнутри
Сущности жизни как друг?

1900

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Открытие Абая продолжается	3
Абай (Ибрагим) Кунанбаев	5
Цикл «Времена года»	
Лето	17
Осень	19
Зима	20
Весна	21
Лирика	
Безветренной ночью луна	23
Не исцелить	24
Сколько б тебя ни хвалили — не верь	25
Тикают часы не для забавы	25
Жила одна красотка во дворце	26
Сердце мое	27

Составитель и редактор **Омарова А. М.**

Художник **Назаров А. М.**

Тираж 10 тыс. экз. Цена договорная.